

© 2016 г.

М.В. ВИНОКУРОВА

К СТОЛЕТИЮ МИХАИЛА АБРАМОВИЧА БАРГА

В 2015 г. российская научная общественность отметила столетний юбилей Михаила Абрамовича Барга (1915–1991) – крупного отечественного историка с мировым именем.

М.А. Барг, доктор исторических наук, профессор – известен как специалист по аграрной и шире – социальной истории средневековой Англии, как исследователь предыстории и истории Английской революции середины XVII в., а также как ученый, занимавшийся развитием общественно-политической мысли в различные исторические эпохи, теорией, методологией и философией истории, проблемами теории цивилизаций.

Многогранность исследовательской деятельности Михаила Абрамовича основана не только на его необычайных природных дарованиях; эти дарования в течение всей жизни подкреплялись неустанным, иногда – поистине титаническим трудом. Он умел генерировать оригинальные (и очень часто парадоксальные) идеи. Но за кажущейся легкостью его научных озарений всегда стоял огромный труд. И еще – любовь к историческому исследованию, т.е. к тому делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

М.А. Барг родился 1 мая 1915 г. в г. Сатанове Подольской губернии. Уже в детстве он проявлял склонность к гуманитарным наукам; в 30-х годах окончил Каменец-Подольский институт народного образования, а затем – социально-экономический факультет Киевского университета. Диплом преподавателя истории он получил в Харьковском государственном университете им. А.М. Горького, который с отличием окончил в 1941 г. После Великой Отечественной войны – а в военные годы он работал инструктором горкома партии в г. Фергане – окончил аспирантуру Института истории АН СССР. В 1947 г. М.А. Барг защитил кандидатскую диссертацию, которая положила начало разработке исследователем проблем социально-экономической истории Англии. В конце 40-х – 60-х годах он преподавал ряд исторических дисциплин в Военном институте иностранных языков, в Московском заочном педагогическом институте, в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потёмкина, в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1960 г. М.А. Баргу было присвоено звание профессора кафедры истории древнего мира и средних веков МГПИ им. В.И. Ленина. С 1968 г. он – старший научный сотрудник, а с 1986 г. – ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

М.А. Барг начинал свой путь в науке как медиевист. Ученая степень доктора исторических наук была присуждена ему в 1959 г. Его докторская диссертация “Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.” увидела свет в 1962 г. в виде одноименной монографии. Известно, что идея этой работы родилась у М.А. Барга в 1945 г. в результате общения с академиком Е.А. Косминским – крупным отечественным историком, плодотворно работавшим в области английского средневекового манора. Но в какой-то мере М.А. Барг пошел дальше Е.А. Косминского. В его работе

Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

была рассмотрена эволюция манориального строя средневековой Англии в связи с развитием структуры феодальной собственности, а также социально-имущественными сдвигами в классовой структуре английского общества на протяжении двух столетий: с XI по XIII.

В основу работы, как известно, было положено сравнительно-статистическое исследование не одного, как у Е.А. Косминского¹, а сразу двух объемных земельных кадастров: Книги Страшного суда (1086 г., период Нормандского завоевания Англии) и Сотенных свитков (1279 г., период баронских войн в Англии при Эдуарде I). Таким образом, в исследовании М.А. Барга была показана не статика, а социальная динамика, т.е. сам процесс становления феодального землевладения в Англии.

Особенно важным для развития отечественной историографии было изучение М.А. Баргом таких проблем, как структура и эволюция феодальной вотчины, развитие светского вотчинного землевладения, генезис английского вилланства и его правовая доктрина, генезис внутриманориального фригольда и дифференциация фригольдеров крестьянского типа.

Так, Михаил Абрамович подчеркивал настоятельную необходимость исследования процесса дезинтеграции светского землевладения в течение XI–XIII вв. и движения земли от баронства к рыцарству. Его концепция в этом вопросе кардинально отличалась от концепции П.Г. Виноградова, который вершиной унификации владений считал не XI, а XIII в. и тем самым, как представляется, несколько нивелировал “феодализирующее” значение Нормандского завоевания.

В противовес указанной концепции и на основе тщательного анализа Книги Страшного суда Михаил Абрамович сумел показать концентрацию земельных владений в руках Вильгельма Завоевателя. Он выявил дезинтеграцию крупных вотчин, усложнение, пестроту, мозаичность их структуры. Таким образом, науке был представлен феномен мелкой вотчины – в качестве продукта Нормандской эпохи, и исследовано ее дальнейшее разукрупнение (в частности, процесс дробления на домениальную и держательскую земли). Эти земельные сдвиги, показанные исследователем, были приведены в соответствие с социальными изменениями: появлением служилого сословия (рыцарства) и его испомещением на земли разукрупнявшихся вотчин. Сам Михаил Абрамович определял этот процесс следующим образом: “Земля двигалась от баронства к рыцарству”².

Не менее важными для себя как исследователя М.А. Барг считал вопросы, связанные с генезисом вилланства и внутриманориального фригольда, т.е. те проблемы, которые относились именно к крестьянству как основной части населения страны, и потому являлись наиболее репрезентативными в социальном смысле.

Для своего времени М.А. Барг по-новому смотрел на эволюцию английского вилланства. Он считал, вразрез с концепциями П.Г. Виноградова и отчасти Е.А. Косминского, что как социально-экономический феномен вилланство сложилось до Нормандского завоевания, а в последующие два века после него происходило юридическое оформление бесправия этого социального слоя, в значительной степени за счет оформления правовых доктрин Гленвиля и особенно Брактона. Так, теория вилланства Брактона (XIII в.) в основе своей имела идею идентичности английского виллана с рабом общего права и, способствуя закреплению крестьянства, явилась одним из рычагов феодальной реакции того времени.

Оригинальностью отличалась и теория фригольда, выдвинутая ученым. М.А. Барг, в частности, показал, что очень многие держатели фригольда XI–XIII вв. уже не были крестьянами. Это были либо представители торгово-ремесленных элементов, которые

¹ Е.А. Косминский, исследовав Сотенные Свитки, мастерски показал особенности развития английского манора в XIII в. См. *Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в.* М. – Л., 1947.

² См. *Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М., 1962, с. 120–126.

не переходили в города, а жили в манорах, не порывая с ними, либо – представители различных групп служилого рыцарства, в том числе входившего и в политическую элиту того времени.

Таким образом, ученый показал, что бóльшая часть фригольда была в отличие от вилланских держаний новообразованием, т.е. продуктом самой Нормандской эпохи. В значительной степени фригольд складывался за счет вилланских земель, а многие вилланы вливались в состав фригольдеров в результате начавшихся манумиссий (отпусков на волю по грамоте, часто – за плату) в период постепенной коммутации рент XII–XIII вв.

Эта теория, убедительно связывавшая воедино многие не объясненные ранее явления социально-экономической истории Англии XI–XIII вв., была действительно весьма оригинальна и важна. Ее значение сохраняется и поныне.

Недаром уже в начале 90-х годов, во время своей поездки в Англию, перед своими зарубежными коллегами Михаил Абрамович прочитал доклад именно о внутриманориальном фригольде и источниках его формирования. Этот доклад сразу же опубликовали в “*The Agricultural History Review*”³, а М.А. Барга избрали членом Королевского исторического общества (о чем он узнал буквально за месяц до своей кончины).

Говоря об аграрных исследованиях М.А. Барга, непременно стоит упомянуть о том, что работа в указанном направлении была весьма нелегким делом, тем более в условиях конца 40-х и 50-х годов прошлого века. Манориальные описи и рентали – источники специфические, извлечение из них информации требует истолкования непростых правовых средневековых терминов. К тому же они очень объемные (это, как правило, огромные земельные кадастры), а материал в них – по преимуществу цифровой. Поэтому Михаил Абрамович совершал каждодневный подвиг, занимаясь столь любимой им манориальной статистикой, составляя бесконечные таблицы даже не с калькулятором, а с обыкновенными счетами в руках. Но зато сквозь эти напластования он умел увидеть повседневную жизнь средневекового человека, и это было истинной наградой за труд.

Конечно же, он был Мастером, и не только в области аграрной истории, но и в области гуманитарного знания в целом. Но вообще именно аграрную историю он считал живым делом своей жизни, собираясь еще написать книгу по английскому манору XV в. Не успел, уйдя от нас в расцвете творческих сил. Хочется подчеркнуть, что Михаил Абрамович не занимался “чистой” аграрной историей (скажем, историей агрикультуры). Он справедливо считал аграрную историю частью истории социальной, что было особенно важно при изучении Средневековья, того самого периода, в котором, говоря образно, домен аграрной истории в значительной степени являлся доменом истории социальной. Само Средневековье и его многочисленные социальные страты “жили” и “дышали” землей. Эта особая средневековая социальность отчетливо видна в исследованиях М.А. Барга, равно как проявлена и в выборе им точек “социального отчета”.

В качестве одной из таких точек исследователь называл проблему рентных отношений, справедливо считая ренту экономической формой реализации феодальной собственности, а эволюцию ренты – стержнем для исследования вопроса о смене форм этой собственности в различные исторические периоды. Этой проблематике ученым посвящено большое количество специальных работ.

Михаил Абрамович отмечал и факт неоднозначного толкования такого сложного понятия как “феодалная собственность”. Он определял собственность, конечно же, не как вещный объект и даже не как феодальное право на него, а как общественно-экономическую категорию, как историческую форму земельной монополии иерархически сочлененной корпорации собственников, опосредованную отношениями прямого господства и подчинения⁴.

³ *The Agricultural History Review*, v. 39, 1991, p. 108–116.

⁴ *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 258.

Он нередко говорил о том, что собственность выступает в качестве объекта присвоения, возникающего в процессе отношений по поводу приоритета в этом присвоении. Согласно этому толкованию, носителем юридического титула земельного собственника при феодализме выступала именно корпорация последовательно подчиненных сеньоров во главе с королем. Каждый из членов этой корпорации обладал условной (связанной, разделенной) собственностью постольку, поскольку он имел определенное место в указанной иерархии⁵; по отношению же к держателям его владельческий титул являлся безусловным.

Таким образом, сеньор или лорд в интерпретации М.А. Барга представал как субъект права собственности, а крестьянин (как и земля, которую он обрабатывал) выступал в качестве объекта феодального права своего господина. Поясню, что, например, до введения во Франции Кодекса Наполеона цензитарий не являлся юридически признанным государством субъектом собственности (не имея права на вещный объект – землю), но в то же время в рамках сеньории был фактическим ее владельцем. То же самое относилось и к большинству английского крестьянства – держателям земли на основе обычного, манориального, а не общеанглийского права.

Думается, что этот, ставший для медиевистов уже относительно очевидным тезис о “расщепленной” (разделенной, иерархичной) собственности, тезис, который обсуждался еще февдистами, ныне является относительно устоявшимся и очень важным для понимания природы самой этой собственности. Только не надо забывать о февдистике как школе феодального права. Это подчеркивал и М.А. Барг, отмечая важность правовых штудий в области исследования Средневековья.

Завершая краткое изложение аграрных сюжетов в творчестве М.А. Барга, скажу о том, как можно исследовать аграрную историю, это классическое поле для работы историка сегодня.

Сегодня выясняется с полной очевидностью, что и такие массовые, серийные источники, какими являются огромные земельные кадастры – описи, полные цифр и запутанной правовой средневековой терминологии, – могут отвечать отнюдь не только на классические вопросы об эволюции форм земельной ренты, земельной собственности и дифференциации крестьянства.

Оказывается, что в них содержится материал, который позволяет исследовать повседневность крестьянства, приоткрывать те страницы жизни крестьян, которые связаны с проблемами исторической антропологии. К примеру, с преступлениями и наказаниями внутри крестьянского мира, с обычаями маноров и манориальных (малых) городов, с соотношением между стереотипами поведения, местным правом, волей лорда и индивидуальным выбором крестьянина, с восприятием смерти и отношением к правам наследования, с имущественными правами женщин в маноре (особенно вдов) и т.д. Думается, что этот антропологически ориентированный подход к исследованию аграрной истории вполне может являться императивом для тех, кто работает ныне в данной области.

По-особому подходил М.А. Барг и к изучению событий Английской революции середины XVII в., считая именно аграрную проблему (проблему копигольда и его освобождения от феодальных пут) основной аналитической призмой при изучении истории революционных событий в этой стране. В своей монографии “Народные низы в Английской революции XVII в.” (М., 1967) он поставил вопрос о наличии в революции двух аграрных программ, буржуазно-дворянской (проводимой в жизнь пресвитерианами и индипендентами) и крестьянско-плебейской (носителями которой являлись истинные левеллеры), увидев в этом стержень политической и социальной борьбы в период революции. В этой связи исследование им односторонней отмены рыцарского держания помогло выявить незавершенный характер буржуазного аграрного переворота.

⁵ Там же, с. 252.

Михаил Абрамович всегда подчеркивал, что английские историки – его современники – по-иному подходили к изучению событий середины XVII в. Для многих из них эти события являлись не революцией, а мятежом, гражданскими войнами или религиозными конфликтами потому, что они считали главным вопросом указанных событий не проблему копигольда и, следовательно, судеб основной массы населения страны – крестьянства, а политические, религиозные и парламентские коллизии⁶.

Научные интересы М.А. Барга были весьма разносторонними. Наряду с социально-экономическими проблемами он также плодотворно разрабатывал сюжеты политической и религиозной истории, в особенности те, которые были связаны с предпосылками, ходом и последствиями буржуазных революций XVI–XVIII вв. В монографиях “Английская буржуазная революция XVII в.” (М., 1958, в соавторстве с В.М. Лавровским), “Кромвель и его время” (М., 1952; 1960), а также в ряде статей М.А. Барг вскрыл корни политического и конституционного кризиса 40-х годов XVII в., провел анализ классовых сил революции, подчеркнув особую роль джентри как социального гибрида дворянина-землеладельца и предпринимателя-капиталиста.

Он выявил также особенности формирования политических программ пресвитериан и индепендентов, исследовал идеологию истинных левеллеров, поставил проблему формирования революционной армии и ее роли в гражданских войнах революционного периода. Особое место в этих монографиях занимали вопросы, связанные с английским вариантом европейской Реформации, с генезисом английского пуританизма и его доктрины.

С середины 60-х и особенно в 70–80-е годы XX в. появляются основательные работы М.А. Барга в области теории и методологии истории. От аграрных и социальных проблем истории Англии он переходит, казалось бы, в менее известную для него область исследования. Особенно хорошо это заметно при анализе списка его научных трудов. Так, в нем под номером 48 значится статья “Структурный анализ в историческом исследовании”, опубликованная в десятом номере журнала “Вопросы философии” за 1964 г. Казалось бы: почему вдруг так неожиданно появляется статья теоретического плана? В том-то и дело, что не вдруг. Думается, что весь свой накопленный опыт историка, основательно работающего на основе источникового материала, исследователь отныне начинает вкладывать в теорию и философию истории, в исследование онтологических проблем механизма исторического развития общества.

Так, монографии “Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса” (М., 1979, в соавторстве с Е.М. Жуковым, В.И. Павловым, Е.Б. Черняком) и “Великие социальные революции XVII–XVIII вв. в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму” (М., 1990, в соавторстве с Е.Б. Черняком) стали заметным вкладом в изучение европейских революций в сложной структуре переходной эпохи, осветили вопрос о соотношении в ней всемирно-исторического, регионального и локального

⁶ Разумеется, зарубежные коллеги плодотворно изучали и продолжают изучать вопросы, связанные с деревенскими бунтами, народными волнениями, движением религиозных диссентеров в сельской местности, выступлениями против осушителей болот во второй половине XVI – первой половине XVII вв. и пр. Однако проблема необходимости превращения копигольда в свободное держание в ходе революции, по сути, обойдена молчанием. См.: *Hill Chr.* The English Revolution: 1603–1714. Edinburgh, 1961; *idem.* Change and Continuity in the Seventeenth – Century England. Cambridge, 1975; *Kerridge E.* Agrarian Problem in the XVI Century and after. London, 1969; *Spufford M.* Contrasting Communities: English Villages in the XVI and XVII centuries. Cambridge, 1974; *Wrightson K.* English Society: 1580–1680. London, 1982; *Manning R.* Villages Revolts. Social Protest and Popular Disturbances. London, 1988; *Faith R.* The English Peasantry and the Growth of Lordship. London – Washington, 1997; *Landlords and Tenants in Britain, 1440–1660: Tawney’s Agrarian Problem Revisited.* Woodbridge, 2013, etc. Стоит отметить, что М.А. Барг очень внимательно относился к историографическим штудиям своих зарубежных коллег (со многими из которых он состоял в научной переписке). В этом смысле достаточно иметь в виду его книгу “Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики” (М., 1973).

уровней развития. В научный оборот была введена категория “диапазон переходной эпохи” в качестве инструмента конкретно-исторического анализа межформационного перехода во всемирно-историческом и региональном масштабах.

Эти и другие важные вопросы отражены также в монографии “Категории и методы исторической науки” (М., 1984). В ней обобщены итоги философских и теоретических изысканий историка, содержащихся в серии его статей 70-х годов XX в., напечатанных в журналах “Вопросы истории”, “Вопросы философии”, “История СССР” и др., и на этой основе исследованы проблемы методологии истории, а также эпистемологии на ее историческом уровне; на основе общих категорий исторической науки разработаны частные теории (методы) изучения основных процессов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Введение в современную отечественную историографию таких категорий как “историческое время”, “историческое сознание”, “целостность”, “структура”, “процесс” и др., равно как и принципа предельности, выраженного в специфике соотношения ритмов всемирно-исторического и локально-исторического развития, является заслугой М.А. Барга в области философии истории.

Ряд ценных наблюдений в области истории идей и исследований гносеологического характера был подытожен ученым в монографии “Эпохи и идеи. Становление историзма” (М., 1987). В этой книге М.А. Барг сосредоточил свое внимание на процессе эволюции исторического сознания как одного из основных элементов исторической культуры. Он определял историческое сознание в качестве духовного моста, переброшенного через пропасть времен и ведущего из прошлого в грядущее. Историк сосредоточился и на проблемах мироощущения человека в античную, средневековую и ренессансную эпохи. Анализ генезиса общечеловеческого менталитета как исторической категории, проведенный М.А. Баргом в этой книге на материале интеллектуальной истории стран Западной Европы, включил в себя и “философскую историю” эпохи Просвещения.

Проблемам английской исторической мысли XVII–XVIII вв. посвящены статьи М.А. Барга об историзме Ф. Бэкона и Г. Болингброка⁷.

По-особому относился М.А. Барг и к историческому факту. Он ввел понятие селективности исторического факта в ходе исторического исследования. Он считал, что связь действительного (реального) факта и факта научно-исторического – это опосредованная связь оригинала и копии. Ведь в историческом познании речь идет о мысленном научном воспроизведении (а не о действительности как таковой), т.е. о максимально возможном сближении мысленной картины мира и действительности.

М.А. Барг являлся также мастером исторического портрета. В книге “Великая английская революция в портретах ее деятелей” (1991) он создал образы О. Кромвеля, Дж. Лильберна, Дж. Уинстенли, осветив неизвестные ранее стороны деятельности этих людей и воссоздав колорит XVII столетия. И еще один портрет, глядящий на нас со страниц книги, – это, конечно же, портрет времени. Об особенностях восприятия времени в шекспировскую эпоху историк повествует в своей книге “Шекспир и история” (М., 1973).

Большой личный вклад внес М.А. Барг как автор ряда разделов и ответственный редактор в создание второго тома “Истории крестьянства в Европе”, а также четвертого тома “Истории Европы”.

В последние годы жизни ученый, возглавляя созданную в Институте всеобщей истории АН СССР Группу по сравнительной истории цивилизаций, разрабатывал концепцию цивилизационного подхода к изучению исторического процесса; в начале 90-х годов по его инициативе была проведена крупная международная конференция, посвященная проблеме цивилизационного подхода к изучению истории.

⁷ Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. – *Болингброк. Письма об изучении и пользе истории*. М., 1978, с. 274–315; *его же*. Историзм Фрэнсиса Бэкона. – *Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII*. М., 1990, с. 200–249.

М.А. Барга как исследователя-теоретика занимала линейная концепция “прогресса цивилизации”. Он поставил вопрос о взаимодействии в структуре цивилизации материальной и идеальной детерминаций линейного и циклического типов развития. В то же время историк никогда полностью не отказывался и от марксистской схемы формационного развития общества. Кажется, оба эти подхода вполне уживались в уме этого оригинально мыслящего исследователя.

Выше уже упоминалось о том, что М.А. Барг великолепно умел генерировать самые смелые идеи в области не только прикладного, но и теоретического знания. В том-то и состояла его отличительная черта как историка, что эти идеи всегда базировались на прочном фундаменте фактов, поддающихся проверке, на его работе “практикующего” историка, т.е. историка, прекрасно знающего источники и умеющего работать с ним и если угодно – на романтизме и притягательности старой и пыльной архивной тайны. Мало кто в течение жизни сидел в архивах и библиотеках больше, чем Михаил Абрамович. И нам, своим ученикам, он всегда говорил о том, что историк и архив (библиотека) должны быть “неразделимы во времени и пространстве”.

М.А. Барг – автор более 200 публикаций (из них 12 монографий). Ряд его книг и статей переведен на иностранные языки: чешский, румынский, венгерский, итальянский, немецкий, французский, английский, китайский. Как уже указывалось, в 1991 г. в знак признания его научных заслуг историк был избран членом Королевского исторического общества Великобритании.

Важна и педагогическая деятельность М.А. Барга как еще одна несомненная грань его таланта. Он подготовил целую научную школу: около 20 аспирантов, большинство из которых успешно защитили кандидатские и докторские диссертации и вышли на дорогу самостоятельных научных исследований.

Он строил свои отношения с учениками так, что мы не чувствовали себя школярами. Его требовательность и в то же время всегда доброжелательное отношение к нашим студиям, умение ненавязчиво найти и показать истину так, что тебе казалось, что ты только что открыл ее сам, его деликатность в оценке результатов нашей работы – все это свидетельствовало о том, что он относился к нам скорее как к своим коллегам по ремеслу.

В нем содержался какой-то неистребимый заряд оптимизма. Всегда подтянутый, светлый, улыбчивый, он считал, что надо быть выше жизненных трудностей самому и всегда помогал преодолевать их другим. Очень любил работать и общаться с молодежью, и мы все ценили это, но в то же время старались быть деликатными и особенно не надоедать ему своими проблемами. Михаил Абрамович черпал заряд бодрости в любимой работе, в общении со своими родными и в целом – с близкими по духу людьми. Всему этому он учил и нас всем стилем своего существования.

У него был еще один талант – талант быть Человеком. Его слова “Я в вас верю!” помогали преодолевать минуты сомнений и уныния.

М.А. Барга не стало 21 мая 1991 г. Он ушел, повторюсь, совершенно неожиданно, на взлете своего человеческого и исследовательского пути. На столе осталась недописанная книга: “От Макиавелли до Вольтера” – так хотел назвать ее он. Она и вышла, законченная трудом и усилиями его первой ученицы – Клавдии Дмитриевны Авдеевой – в 1998 г. Клавдия Дмитриевна остановилась на Юме, не дойдя до Вольтера – но при этом все равно смогла реализовать мечту своего учителя и показать становление историзма. Книга так и называется: “От Макиавелли до Юма: становление историзма”.

Завершая, позволю себе процитировать любимые мной слова Л.Т. Мильской о Михаиле Абрамовиче – ее последнее впечатление о нем: “Таким я его и помню: в его последнем мае под голубым небом и цветущими каштанами – кто знал, что дни его уже сочтены! – не утратившим легкости и тяготения ввысь, несмотря на свой, немолодой уже возраст. Вокруг его импозантной шевелюры словно порхали искры, невидимые искры ума, знаний, воображения, глубокого интереса к людям и той грандиозной картине их бытия, которая называется человеческой историей”.

Память о М.А. Барге сохраняется в среде его коллег и учеников.

В течение истекшего после кончины историка времени они неоднократно проводили научные чтения памяти учителя, итоги которых нашли отражение в сборнике статей “Мир истории – жизнь историка”, вышедшем в 1995 г. в ИВИ РАН⁸, а также в публикации автора настоящей работы в журнале “Новая и новейшая история”.⁹ В 1996 г. в Институте всеобщей истории РАН была проведена представительная международная конференция “Проблемы исторического познания”, посвященная ее организаторами М.А. Баргу, итоги которой были опубликованы в коллективной монографии с одноименным названием¹⁰.

Т.А. Павлова и Е.Б. Черняк написали о творчестве М.А. Барга интересную статью, опубликованную в 1992 г. в журнале “Новая и новейшая история”, а позднее вышедшую с некоторыми коррективами в коллективной монографии “Портреты историков: время и судьбы”¹¹. В 2003 г. в журнале “Средние века” М.В. Винокурова опубликовала статью под названием: “Михаил Абрамович Барг: путь историка”¹².

И, наконец, 20–21 мая 2105 г., в год и месяц столетнего юбилея историка, в Институте всеобщей истории РАН были проведены очередные научные чтения его памяти. По сути, это была представительная международная конференция, организованная двумя отделами ИВИ РАН – Центром истории исторического знания (руководитель – д.и.н., проф. М.С. Бобкова) и Отделом истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени (руководитель – член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров). Большой личный вклад в ее организацию внесла М.С. Бобкова.

С докладами, посвященными как научному творчеству М.А. Барга, так и важнейшим проблемам современной исторической науки, выступили около 30 человек из разных городов России, Западной Европы и США. В частности, на конференции присутствовал и выступал сын М.А. Барга, Александр Михайлович, проживающий ныне в Соединенных Штатах. В настоящее время к публикации готовятся материалы прошедшей конференции.

Таковы основные направления работы с научным наследием Михаила Абрамовича, свидетельствующие о том, что память о нем живет. Думаю, что сегодня мы по праву считаем его одним из крупнейших мыслителей современности.

⁸ Мир истории – жизнь историка. М., 1995.

⁹ Винокурова М.В. Третьи научные чтения памяти М.А. Барга. – Новая и новейшая история, 2002, № 1, с. 244–247.

¹⁰ Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции. М., 1999.

¹¹ Павлова Т.А., Черняк Е.Б. Михаил Абрамович Барг. – Новая и новейшая история, 1992, № 1, с. 181–193; *их же*. М.А. Барг. – Портреты историков: время и судьбы, т. 2. М., 2000, с. 248–257.

¹² Винокурова М.В. Михаил Абрамович Барг: путь историка. – Средние века. М., 2003, с. 293–328.